

Е.В. Ильина

*Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИКЦИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

В статье рассматриваются существующие в современной юридической литературе подходы к пониманию феномена юридической фикции, выявляются их особенности, достоинства и недостатки, а также осуществляется классификация авторских концепций юридической фикции

Развитие современных общественных отношений и их многообразие предопределяет необходимость различных способов, средств их правового регулирования. Одним из таких средств является юридическая фикция как одно из древнейших правовых явлений. И если еще десятилетие назад можно было утверждать, что юридическая фикция является малоисследованной в юридической литературе, то всплеск научных работ в последние годы позволяет судить не только о возросшем интересе к этому правовому явлению, но и о наличии определенной дискуссии относительно правовой природы, сущности, классификации, роли и места юридических фикций в механизме правового регулирования.

Анализ современной научной литературы, посвященной юридической (правовой) фикции, позволяет выделить следующие подходы к пониманию этого феномена.

1. Приверженцы ставшего уже традиционным подхода к пониманию юридической фикции рассматривают ее как средство (прием, метод, способ) юридической техники. Так, по мнению Н.И. Матузова фикция – это «особый прием, который заключается в том, что действительность подводится под некую формулу, ей несоответствующую, или даже вообще ничего общего с ней не имеющую, чтобы затем из этой формулы сделать определенные выводы» [1, с. 265]. О.А. Курсова, предпочитая термину «юридическая фикция» термин «легальная (правовая) фикция», определяет её как «средство юридической техники, при помощи которого конструируется заведомо не существующее положение, признаваемое существующим и обладающее императивностью, играющее роль недостающего юридического факта в ситуации невосполнимой неизвестности, закрепленное нормой права» [2, с. 14–15]. Подобного подхода придерживаются также М.Л. Давыдова, Е.А. Джазоян,

Н.В. Илларионова, Е.Ю. Марохин, Э.М. Мурадян, Р.К. Лотфуллин, Е.А. Нахова, О.А. Поляков, А.М. Ширвиндт и другие авторы.

Несмотря на то, что многие из приведенных исследователей отмечают, что фикцию необходимо рассматривать как способ (средство, прием) не только построения норм законодательных актов, но и договоров, а также толкования норм права, данный подход часто критикуется сторонниками различных синтетических (расширенных) концепций за свою «узость».

2. Некоторыми учеными юридические фикции определяются как специализированные нормы права. К примеру, по мнению Л.А. Душаковой, «правовая фикция – это закрепленная в соответствующих правовых источниках и используемая в юридической практике особого рода правовая норма, посредством которой положения, не существующие в действительности или противоречащие ей, императивно провозглашаются существующими и имеющими юридическое значение с целью преодоления невосполнимой неизвестности в правовом регулировании общественных отношений» [3, с. 28]. О.А. Кузнецова, исследуя специализированные нормы гражданского права, отмечает, что «гражданско-правовая норма-фикция – это специализированная норма права, выполняющая системоупрощающую функцию путем признания несуществующих обстоятельств существующими, имеющая структуру, состоящую из двух элементов (гипотезы и диспозиции) и конструирующаяся по схеме «Если А, то В считается С» [4, с. 284].

Вместе с тем, приверженцы иных подходов к пониманию юридической фикции утверждают, что сторонниками приведенной концепции допускаются грубая методологическая неточность: смешиваются понятие фикции как средства юридической техники и форма ее отражения (закрепления) в виде правовой нормы, а также отмечается, что юридические фикции могут содержаться не только в правовых актах, но и в актах толкования норм права, что, соответственно, выводит объем понятия «юридическая фикция» за рамки ее определения как нормы права.

3. Ряд ученых рассматривает юридическую фикцию как предположение. К примеру, Н.А. Никиташина полагает, что «правовая фикция – это предположение, при помощи которого конструируется заведомо не существующее положение, признаваемое существующим и обладающее императивностью, играющее роль недостающего юридического факта в ситуации невосполнимой неизвестности и закрепленное нормой права» [5, с. 170]. К предположениям относят юридическую фикцию также Ю.Г. Зуев, Л.Л. Кругликов и В.А. Кучинский.

Однако не все ученые разделяют данную позицию: предположение всегда основано на вероятности, фикция же изначально содержит в себе вымысел, а вымысел не может быть вероятным в той или иной степени. О.А. Курсова справедливо отмечает, что «фикция, обладая собственной природой и, соответственно, собственными способами образования, предположением быть не может» [2, с. 27]. Кроме того, презумпция априори опровержима, в то время как механизм опровержения юридической фикции отсутствует.

4. Динамический подход к пониманию феномена юридической фикции, впервые предложенный И.М. Ишигиловым и получивший поддержку иными учеными (к примеру, П.М. Резиньковым, О.В. Танимовым), предполагает рассмотрение феномена юридической фикции в зависимости от стадии правового регулирования [6, с. 41]. По справедливому замечанию сторонников данной концепции, расхождение во взглядах на юридические фикции связано с тем, что они понимаются в отрыве от процесса правового регулирования либо применительно к какой-либо одной из его стадий. Вместе с тем, на каждой из стадий правового регулирования юридические фикции возникают в определенном виде, присущем только этой стадии.

Так, на стадии правотворчества фикции выступают как приемы юридической техники, с помощью которых существующее принимается за несуществующее и наоборот, предшествуя правовым нормам и являясь одним из способов их создания. На стадии общего действия норм права фикции могут выражаться в качестве главного элемента этой стадии – специализированных правовых норм. На стадии возникновения субъективных прав и обязанностей юридические фикции могут выступать как часть главного элемента этой стадии – правоотношения (в качестве его субъекта, объекта), а также в качестве вспомогательного элемента – юридического факта, и обуславливать набор и специфику прав и обязанностей участников правоотношений. Юридические фикции, по мнению приверженцев данной концепции, могут возникнуть и на стадии реализации права, в том числе при правоприменении [6, с. 41–44; 7, с. 23–25].

5. Двойственные (расширенные) подходы к пониманию феномена юридической фикции предполагают ее трактовку как приема не только правомерной, но и неправомерной деятельности (деликтивная фикция), либо одновременно как свойство нормы права не соответствовать потребностям общества (фиктивная правовая норма). К примеру, юридическую фикцию как «прием законодательной техники, состоящий в признании существующим несуществующего и наоборот, а также свойство нормы права не соответствовать потребностям общества в

процессе правотворческой или правоприменительной деятельности» предлагает рассматривать К.К. Панько [8, с. 7–8]. И.В. Филимонова, изначально определяя юридическую фикцию в качестве приема юридической техники, «при помощи которого конструируется юридически неопровержимое относительно ложное положение, которым существующее признается несуществующим и наоборот, содержащееся в источниках права или соглашении сторон и влекущее определенные юридические последствия» [9, с. 109], в дальнейшем включает в ее объем также деликтную фикцию [9, с. 97] и юридическую стратегию (тактический прием, направленный на создание условий для введения в заблуждение лица, противодействующего следствию либо судопроизводству в целях получения информации, имеющей значение для дела или обеспечения проведения процессуальных действий) [9, с. 149].

Несомненно, проявления фиктивности в праве разнообразны: в позитивном смысле фиктивное проявляется как собственно юридическая фикция, санкционируемая или сознательно используемая законодателем для регулирования определенных общественных отношений, в негативном смысле – как свойство фиктивной правовой нормы не соответствовать потребностям общества в процессе правотворческой и правоприменительной деятельности; в фиктивных сделках и состояниях, иных действиях, запрещенных законодательством, имеющих целью осуществить корректировку действительности с самыми разнообразными намерениями.

Однако, по справедливому мнению многих исследователей, сторонниками указанного подхода допускается ошибка в объединении в одном определении понятия двух самостоятельных явлений, причем с аксиологической точки зрения абсолютно противоположных. Так, Л.А. Душакова отмечает, что «суть несогласия не в том, что мы отрицаем существование подобного рода фикций, а в том, что нельзя в единой дескриптивной конструкции совмещать явления, явно противоположные» [3, с. 34].

6. Помимо вышеизложенных в научной литературе существуют и иные подходы к феномену юридической фикции, содержащиеся, однако, в исследованиях ученых применительно к другим проблемам теории права. Так, В.В. Лазарев и С.В. Липень рассматривают юридическую фикцию как разновидность юридического факта, определяя ее как «несуществующее явление или событие, признанное в установленных юридических процедурах существующим» [10, с. 355]. М.Х. Кислицын, А.Ю. Ратников, А.С. Самойлов полагают, что «юридической фикцией принято именовать объект, реально не существующий в материальном мире, однако принимаемый всеми за

реально существующий, в силу Закона, и устанавливаемый Законом в целях создания удобств в сфере юриспруденции» [11, с. 25].

В научной литературе также часто отмечается, что процессуалистам свойственно определять фикцию как специфическую норму-санкцию, применяемую к участникам судопроизводства. В качестве примера приводятся высказывания Е.А. Наховой о том, что «фикции являются своеобразной санкцией за невыполнение обязанностей по доказыванию» [12, с. 3], и И.М. Зайцева, что фикции представляют собой «своеобразные юридические санкции» [13, с. 35]. Вместе с тем, при выделении данного подхода учеными не принимается во внимание тот факт, что подобные определения изымаются из смыслового контекста исследования не целиком, а частично, и И.М. Зайцев, к примеру, сначала указывает на то, что «все фикции суть своеобразные нормы, закрепленные в ГПК» [13, с. 35], дополняющие обычные процессуальные нормы, а уже затем отмечает, что фикции представляют собой своеобразные юридические санкции.

Полагаем, что данные трактовки не следует выделять в качестве отдельных подходов к феномену юридической фикции: они приведены, как правило, в исследованиях, посвященных иным правовым феноменам и проблемам, и их следует понимать контекстуально, кроме того, рассмотрение подобных частных подходов к юридической фикции в качестве самостоятельных концепций ее понимания безосновательно увеличит в несколько раз количество подходов к феномену фикции, не внося определенности в понимание ее сущности.

Подводя итог рассмотрению и классификации современных подходов к пониманию феномена юридической фикции, можно отметить, что подход к определению фикции как средства юридической техники, применяемого в различных видах правомерной юридической деятельности, получил в современной науке наибольшее распространение. Вместе с тем, наблюдается тенденция к расширению понимания юридической фикции за счет включения в объем этого понятия как позитивных, так и негативных проявлений фиктивного в праве, а также переход к различным синтетическим концепциям юридической фикции, обобщающим совокупность нескольких существующих подходов, и рассматривающим фикцию в динамике, в зависимости от ее проявлений на той или иной стадии правового регулирования.

Полагаем целесообразным классифицировать существующие авторские концепции юридической фикции следующим образом:

1) традиционная концепция, рассматривающая юридическую фикцию как средство (прием) юридической техники (ее сторонниками являются М.Л. Давыдова, Е.А. Джазоян, Н.В. Илларионова,

О.А. Курсова, Е.Ю. Марохин, Э.М. Мурадян, Р.К. Лотфуллин, Н.И. Матузов, Е.А. Нахова, О.А. Поляков, А.М. Ширвиндт и др.);

2) нормативная, определяющая фикцию как специализированную правовую норму (Л.А. Душакова, И.М. Зайцев, О.А. Кузнецова и др.);

3) презумптивная, понимающая под фикцией разновидность правового предположения (Ю.Г. Зуев, Л.Л. Кругликов, В.А. Кучинский, Н.А. Никиташина и др.);

4) динамическая, сторонники которой полагают, что форма выражения юридической фикции зависит от стадии правового регулирования (И.М. Ишигилов, П.М. Резиньков, О.В. Танимов и др.);

5) двойственная (расширенная) концепция, рассматривающая фикцию как прием не только правомерной, но и неправомерной деятельности, а также одновременно как свойство нормы права не соответствовать потребностям общества в процессе правотворческой или правоприменительной деятельности (К.К. Панько, И.В. Филимонова и др.);

б) иные частные подходы, предполагающие рассмотрение юридической фикции в качестве абстрактного (нематериального) объекта, юридического факта и т.д.

По нашему мнению, наиболее перспективным и отвечающим реалиям современного развития права является динамический подход к феномену юридической фикции. При этом, осознавая многогранность фиктивного в праве, полагаем принципиальным рассматривать термин «юридическая фикция» исключительно как проявление легальной фикции в праве, преследующей конструктивную цель.

Список использованных источников

1 Матузов, Н.И. Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 512 с.

2 Курсова, О.А. Фикции в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / О.А. Курсова; Нижегород. Акад. МВД России. – Н. Новгород, 2001. – 32 с.

3 Душакова, Л.А. Правовые фикции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Л.А. Душакова; Рос. юрид. ин-т МВД России. – Волгоград, 2004. – 199 л.

4 Кузнецова, О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / О.А. Кузнецова; УРГЮА. – Екатеринбург, 2007. – 430 л.

5 Никиташина, Н.А. Юридические предположения в механизме правового регулирования: правовые презумпции и фикции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н.А. Никиташина. – Абакан, 2004. – 273 л.

6 Ишигилов, И.Л. Юридические фикции и презумпции на разных стадиях правового регулирования / И.Л. Ишигилов // История государства и права. – 2009. – № 2. – 21. – С. 41–44.

7 Резиньков, П.М. Юридическая фикция: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / П.М. Резиньков; Рост. юрид. ин-т МВД РФ. – Ростов-на-Дону, 2012. – 36 с.

8 Панько, К.К. Фикции в уголовном праве и правоприменении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К.К. Панько; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1998. – 28 с.

9 Филимонова, И.В. Юридические фикции в праве России: история и современность: монография / И.В. Филимонова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 376 с.

10 Лазарев, В.В., Теория государства и права: учеб. для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Спарк, 2000. – 511 с.

11 Кислицын, М.Х. Правовые аспекты названия изобретения (научно-практический комментарий) / М.Х. Кислицын, А.Ю. Ратников, А.С. Самойлов // Современное право. – 2001. – № 9. – С. 23–28.

12 Нахова, Е.А. Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Е.А. Нахова; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2004. – 22 с.

13 Зайцев, И.М. Правовые фикции в гражданском процессе / И.М. Зайцев // Рос. юстиция. – 1997. – № 1. – С. 35–36.

The article examines approaches to understanding of the legal fiction existing in modern legal science, reveals their distinctive features, advantages and disadvantages, as well as the author's classification of the legal fiction concepts